

Михаил ПРЕСНУХИН

«ОТВЕРЗШИ СЕБЕ ПУТЬ ШТЫКАМИ...»

Оборона Ялты в 1774 году

В апреле 1908 года проживавший в Ялте известный учёный и военный инженер А. Л. Бертье де Лагард обратился в Совет Императорского Российского военно-исторического общества (ИРВИО) с просьбой предоставить ему всю имеющуюся в архивах информацию о боевом эпизоде времён Русско-турецкой войны 1768–1774 годов — защите Ялты от турок. Никакие подробности произошедшего и даже точная дата события Бертье известны не были, за исключением того, что российский отряд был тогда целиком уничтожен турками. В единственном капитальном военно-историческом труде А. Н. Петрова¹ о военных действиях в Крыму, кроме сражения при Шумах, больше не было никаких сведений.

Выдающийся историк и исследователь-архивист Н. П. Поликарпов по просьбе Совета ИРВИО провёл розыск в московском отделе Общего архива Главного Штаба и обнаружил некоторые документы, позволившие ответить на заданные Бертье вопросы. Изучив эти материалы, Поликарпов сделал главный и важный вывод — погибший в Ялте в 1774 году русский отряд совершил поразительный по героизму подвиг, оставшись до конца верен долгу и присяге, и заслуживает увековечивания его памяти².

Тогда же Бертье инициировал процесс создания монумента российским воинам на месте неравной схватки в 1774 году. Он лично намеревался содействовать сооружению памятника и хотел, чтобы он был в виде православного креста с соответствующей надписью. К сожалению, до увековечивания памяти о героических защитниках Ялты так и не дошло.

В ходе первой Русско-турецкой войны в царствование Екатерины II, в 1771 году русские войска 2-й армии под командованием генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова, вошли в Крым. Стремительно разгромив татар, русская армия в короткий срок заняла все ключевые пункты полуострова, вытеснив оттуда турецкие войска, вместе с которыми из Крыма сбежал и хан Селим-Гирей. Столь впечатляющий успех быстрого отвоевания «жемчужины» Османской империи вполне объясним. После того, как П. А. Румянцев в 1770 году разбил турок при Ларге и Кагуле, были взяты многие турецкие крепости в Причерноморье и на Дунае, а османский флот уничтожен А. Г. Орловым при Чесме, в Стамбуле не на шутку испугались. В такой обстановке защищать Крым османы особо не собирались, а крымским и ногайским татарам стало теперь не до османских проблем. Татарские орды, отрезанные от родных кочевий, боясь потерять свои владения и собственность, с лёгкостью объявили об отложении от власти Оттоманской Порты и принятии покровительства Российской империи. 1 ноября 1772 года с новым крымским ханом Сахиб-Гиреем, только что избранным при содействии России татарской знатью, в Карасубазаре был подписан «Мирный и союзный трактат», который возвращал Крымскому ханству свободу и независимость (спустя почти 300 лет после его покорения османами). Более того, к ханству присоединили не принадлежавшие ему ранее территории Горного Крыма и Южного берега. Крымский хан был признан «независимым владетелем, а область Татарская в равном достоинстве с прочими подобными свободными и под собственным правительством состоящими областями»³.

Но в 1773–1774 годах Порты, оправившись от военных потрясений первых лет войны, мёртвой хваткой вцепилась в Крымское ханство, с независимостью которого никак не могла смириться. Не желая отказываться от власти над татарами, Турция, несмотря на то, что ей теперь совершенно необходим был мир, раз за разом срывала мирные переговоры в Фокшанах и Бухаресте и начала вести закулисную борьбу за возвращение Крыма. Она не признала нового хана Сахиб-Гирея и других правителей ханства, выбранных татарами, и назначила своих кандидатов на ханский престол, из числа «верных людей», давно уже живших в Турции. «Турецким» крымским ханом был утверждён Девлет-Гирей.

Крым, причерноморские степи и Тамань наводнили османские шпионы и агенты, разжигавшие не только ненависть к России, но и междоусобную вражду. Турция откровенно готовила широкомасштабный мятеж, для поддержки которого планировала высадку на полуостров десанта. Наконец, весной 1774 года к Крыму из Мраморного моря был переброшен военный флот, намного превосходивший русскую эскадру контр-адмирала А. Н. Сенявина, и господство турок в Чёрном море стало подавляющим.

Сенявин оказался запертым в Азовском море, однако все попытки турецкого флота прорваться туда были отбиты. Керченский пролив в июне месяце был блокирован османами силами пяти линейных кораблей, девяти фрегатов, 26 шебек и галер, а также десятков других мелких судов. В общей сложности на них находилась целая армия, по разным оценкам, от 30–35 до 50 тысяч человек под командованием трапезундского губернатора сераскира-паши (главнокомандующего) Джаныклы Гаджи Али-бея (Хаджи Али-паши).

Крым в 1774 году занимали части 2-й русской армии под командованием генерал-аншефа князя Василия Михайловича Долгорукова. Штаб командующего располагался на Днепре, а непосред-

Рядовой артиллерист Московского легиона с 1769 по 1775 г.

ственно в Крыму находился так называемый Крымский корпус под начальством генерал-поручика князя Александра Александровича Прозоровского. В его состав входили части, которые имели значительный некомплект личного состава. Всего же, по данным Долгорукова, Крымский корпус едва насчитывал 10 тысяч человек. Условия расквартирования российских войск в Крыму тогда были далеко не «курортными», многие полки сильно пострадали от «морových поветрий» (эпидемий).

Войска были разбросаны по всему полуострову, крупные гарнизоны располагались в крепостях: Перекопе, Козлове, Кафе, Балаклаве, Керчи, Еникале и Арабате. Штаб корпуса и резервы были выведены вглубь полуострова для удобства контроля над разными частями Крыма и находились в трёх ретраншементах: недалеко от Ак-Мечети, близ Кафы и между Козловым и Ак-Мечетью. Кроме того, в каждом важном пункте, в первую очередь на побережье Чёрного моря, размещались небольшие (от роты до батальона) отряды или посты. Такими немногочисленными постами были заняты Алушта, Ялта, Балаклава, Судак и другие пункты. Кордонная линия русских войск везде была тонка и слаба. Сообщение между частями чрезвычайно затрудняла горная местность и отсутствие проезжих дорог. Такую линию отдельных постов, выстроенную по всем известной австрийской кордонной системе, когда силы армии расплывались на огромном пространстве, любой предприимчивый и сильный противник легко мог прорвать в любом месте⁴.

Сераскир Джаныклы Али-паша и Мегмет капудан-паша (командующий флотом) давно искали случая высадить на берег Крыма крупный десант, чтобы спровоцировать мятеж крымских татар и с их помощью овладеть полуостровом. Находясь у Керченского пролива, турецкий флот приковал к Керченскому полуострову и значительные силы Крымского корпуса. Воспользовавшись этим, Хаджи Али-паша 16 июля внезапно снял корабли с якорей и увёл

их в неизвестном направлении. Для русской стороны исчезновение турецкого флота оказалось полной неожиданностью, эскадра Сенявина не смогла отследить его передвижение. Уже на следующее утро турецкие суда опять появились у крымских берегов и стали на якоря вблизи Алушты — тогда небольшого местечка между Ялтой и Судакком. Именно здесь, где не было значительных русских сил, Али-паша и решил высадить десант.

Имея подавляющее численное превосходство, сераскир был уверен в успехе, но всё же потребовал от крымских татар поддержать десантную операцию нападением на русские гарнизоны. После захвата плацдарма на Южном берегу Крыма Джаныклы Али-паша планировал углубиться в горы и выйти к Ангарскому и Кебит-Богазскому перевалам, через которые шли дороги вглубь полуострова, в том числе и к столице ханства — Бахчисараю. Заняв горные проходы, турки могли бы чувствовать себя в безопасности и легко поддерживать мятеж крымских татар.

Русский гарнизон в Алуште состоял из 150 егерей Московского легиона⁵ под командованием капитана 3-го мушкетёрского батальона этого же легиона Николая Колычева. Утром 17 июля 1774 года турки, не ожидая серьёзного противодействия, спокойно начали спускаться с кораблей шлюпки, которые направились к Алуштинскому берегу. Отряд Колычева встретил турок огнём. В течение шести часов московские егеря упорно держались в тяжелейшем бою против турецкого десанта. В самый жаркий момент схватки на егерей Колычева с тыла напали крымские татары. Первым делом они набросились на обоз отряда, оставленный, очевидно, без прикрытия. Полностью разграбив имущество, татары сбросили обозные ящики, полуфурки, офицерские экипажи и другие повозки в пропасть.

В конце концов Колычев вынужден был, уступив «многочисленному числу турок и татар», отдать Алушту и отойти. Он направился в сторону ближайшего поста русских войск — к Ангарскому перевалу. Отступить удалось с небольшими потерями (трое убитых и 19 раненых), даже, несмотря на трудный путь, протащили по горным тропам полковые орудия и благополучно добрались до деревушки Янисаль, расположенной почти на самом перевале⁶.

Основные силы Крымского корпуса выполняли задачи по сосредоточению в районе Балаклавы, оперируя по дорогам во внутренней части Крыма. Они не смогли вовремя узнать о высадке турок. Единственным, кто попытался поддержать Колычева, был соседний с Алуштой Ялтинский пост. В Ялте находились две мушкетёрские роты Брянского полка, весьма малочисленные по составу, часть артиллерийской команды этого же полка и 11 донских казаков. Начальником поста был премьер-майор Самойло (Самуил) Салтанов⁷. Получив известие о появлении турецкого флота у Алушты и о готовящейся высадке десанта, Салтанов немедленно собрал свой отряд и устремился на помощь Колычеву. Всю ночь брянцы пробирались по горным дорогам. Приходится только удивляться, как вообще русским солдатам удалось пройти этот путь да ещё к тому же ночью. Российские путешественники даже в XIX веке описывали этот маршрут как один из самых жутких в Крыму⁸.

За шесть вёрст до цели, заподозрив неладное, майор выслал вперёд разведку — казачий разъезд из девяти «доброконных» человек, — поставив ей задачу: проверить, не занята ли дорога вдоль моря неприятелем, сообщить капитану Колычеву о подходе подкрепления, досконально выяснить обстановку и всё о действиях татар и турецкого флота. Отряд продолжал продвигаться вперёд, когда в свете луны Салтанов разглядел в море турецкие суда, стоявшие на якорях на траверзе маяка Кучук-Ламбат (Малый Ламбод или Малый Маяк), то есть в тылу его отряда. Более того, вскоре от Алушты в том же направлении отправились ещё несколько судов. Ситуация сильно осложнилась. Салтанов ничего не знал о положении дел в Алуште, а между тем в его тылу уже находились турецкие суда, кото-

Егерь и мушкетёр Московского легиона с 1769 по 1775 г.

рые в любой момент могли высадить десант, и тогда отряд оказался бы отрезанным. Майор принял решение немедленно идти в Ламбат, чтобы не допустить такого поворота событий. Обнаружив подошедший русский отряд, суда остановились у маяков Кучук-Ламбат и Биюк-Ламбат (Большой Маяк) и простояли около двух часов. Когда рассвело, Салтанов смог хорошо обозреть неприятельский флот, он насчитал до 130 судов в трёх местах: примерно 40 кончебасов — у Алушты, 15 больших трёхмачтовых кораблей — между Алуштой и маяками, а остальные — у Малого Маяка. Первые две группы открыли орудийный огонь по целям, скрытым от Салтанова, стрельба продолжалась около четверти часа. Тут только майор заметил, что часть стоявших у Ламбата судов двинулась к Партениту (самому древнему греческому поселению в Крыму). Поняв намерение противника (высадить в удобной бухте этого селения десант), Салтанов сразу же бросился туда⁹.

Путь к Партениту был чрезвычайно труден¹⁰, однако русские солдаты, непривычные к горным дорогам, смогли его преодолеть и сохранить после тяжёлого марша боеспособность. Когда отряд Салтанова достиг селения, четыре турецких кончебаса уже пробовали высадить там людей. Русский отряд подоспел вовремя и воспрепятствовал этому. Не сумев высадить ни одного человека, турецкие суда отчалили, пошли к Ламбату и пристали там к берегу. Салтанов хотел было вернуться туда напрямую через горы и сбросить турок в море, но от Алушты приближались главные силы турецкой эскадры, а на горных склонах стали просматриваться внушительные отряды турецких войск. В Ламбате и Партените ещё оставались крохотные российские посты, фактически уже отрезанные неприятельским флотом и высадившимися турками — не менее 1000 человек начали занимать ближайшие к ним окрестные деревни. Майор снял эти посты, приказав следовать в Ялту к основным силам его отряда. Для наблюдения за противником и прикрытия подступов к Ялте он оставил пост в Гурзуфе, «в безопасном месте», усилив его до 50 человек, а у Партенита — дозор из 4 казаков.

Тем временем посланные в Алушту казаки благополучно добрались до места, но обнаружили там лишь множество турок, расхаживающих по деревне между горящими строениями. Ни егерей капитана Колычева, ни брянских мушкетёров из отряда подпоручика Ачкасова не было. Уничтожены ли они или им удалось отступить — выяснить не удалось. С такими неутешительными известиями дозорные вернулись к Салтанову. А вскоре с ещё более тревожными новостями прибыли казаки из Партенита: около двух тысяч турок, высадившихся с кораблей, двинулись в горы с целью перекрыть путь отряду. Майор немедленно поднял солдат и спешно вывел их на ялтинскую дорогу, выше в горах, куда турки ещё не успели добраться. Всем постам он послал приказ собираться в Ялте¹¹. Однако турецкий флот тоже направился туда, в надежде появиться там раньше отряда Салтанова. Майор всё же опередил неприятеля — занял Ялту и начал готовиться к обороне. Турецкое присутствие в Ялте до прихода русской армии в 1771 году ограничивалось крохотным гарнизоном, одной кофейней и мечетью. Селение оставалось полностью христианским, с церквями и часовнями, с остатками древнего византийского монастыря и развалинами крепостной стены. Существовал и маленький порт с причалами и небольшими доками для рыбачьих фелюг.

Турецкий флот подошёл к Ялте в ночь на 19 июля 1774 года, помешать высадке десанта отряд Салтанова уже не мог. К высадившимся на берег туркам немедленно присоединилось «великое число татар». Вся эта огромная масса обложила Ялту со всех сторон и на рассвете начала атаку.

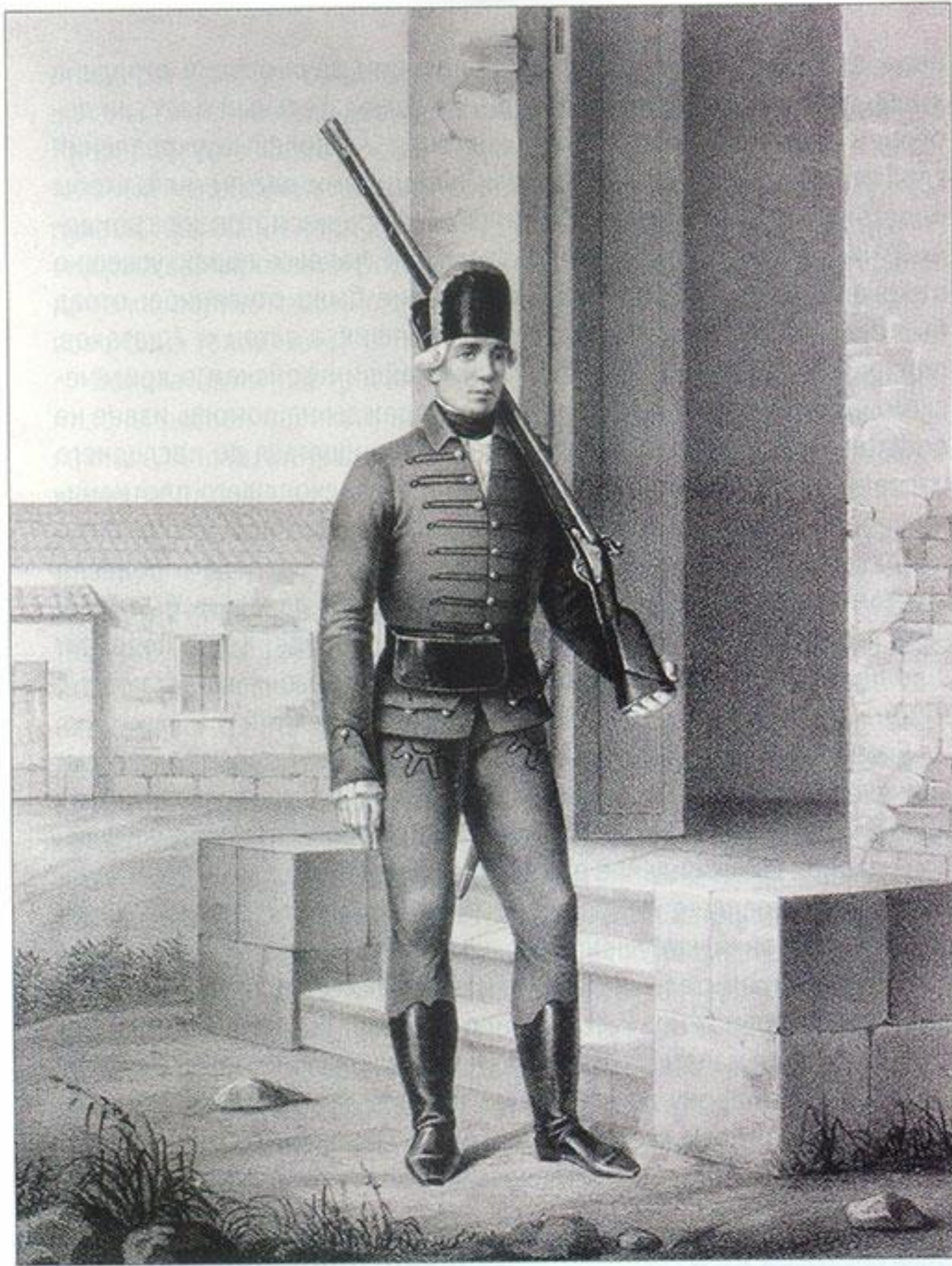
Сражение продолжалось с раннего утра до полудня. Все были готовы биться до конца. На мысе св. Иоанна, неподалёку от старой

православной церкви, находились позиции двух орудий отряда, а выше, на склонах холма Поликур — наблюдательный пост. За древней устроили стрелковые ложементы — полевые укрепления слабого профиля. Лесные заросли перед ними расчистили, чтобы простреливались подходы. Ялтинский пост, несмотря на громадный численный перевес неприятеля, на первых порах успешно отражал штурм. Тем не менее положение было отчаянное: отряд был окружён со всех сторон. Подпрапорщик, а затем и 7 казаков, поочерёдно посланные сообщить ближайшим войскам о критическом положении Ялты, были убиты¹². Надежды на помощь извне не осталось, и Салтанов принял решение «защищаться до последнего человека». Отбить натиск многократно превосходящего противника небольшой русский отряд не мог, бойцы уже несколько часов подряд находились в деле, были утомлены до предела и понесли ощутимые потери. Почти вся артиллерийская прислуга была выбита огнём турок, орудийные заряды исчерпались. Когда подошли к концу и ружейные патроны, стало ясно, что развязка наступит с минуты на минуту.

Сдерживать напор становилось всё труднее. Татары подтащили копны сена и соломы и подожгли их, чтобы дымом выкурить защитников. Поднявшийся ветер заволок позиции русского отряда удушливой пеленой и ещё сильнее раздувал огонь. Вскоре пламя добралось и до самих укреплений. Бревенчатый палисад, туры, фашины, деревянные постройки, высушенные южным солнцем, полыхнули как порох. Пожар стремительно расширялся, оставаться в дыму и пламени было уже невозможно. Русские солдаты были вынуждены оставить свои позиции и начать отходить. Только идти было некуда — кругом враги. Заняв оборону на последнем рубеже, за церковной оградой, брянцы продолжали сражаться, но турки наседали со всех сторон. Надежды на спасение не оставалось, повсюду были торжествующие

Мушкетёры: нестроевой и рядовой лёгких полевых команд с 1771 по 1775 г.

Егерь лёгких полевых команд с 1771 по 1775 г.

неприятели, потрясавшие головами, отрезанными у убитых русских. Тогда Салтанов решил пойти на прорыв, чтобы попытаться спасти хотя бы часть людей и вывести местных жителей, укрывшихся в церкви. Он приказал заклепать бесполезные теперь пушки, собрать всех раненых, кто ещё мог передвигаться, и ударить в штыки.

Это было отчаянное предприятие: русские воины, без патронов, одними штыками в жестоком рукопашном бою, ценою тяжёлых потерь, проложили себе путь из окружения. Майор Салтанов «едва только стал выходить, то и заколот»¹³. Скорее всего, он погиб от татарских пик.

Прорвавшиеся сквозь толпы врагов русские солдаты не могли идти вдоль берега моря: неприятель при помощи своих судов легко перехватил бы их по дороге. Оставалось одно — уходить в горы.

Крымский исследователь О. Оксём предположил, что брянцы попытались подняться по хребту Иограф, чтобы миновать татарские деревни, разбросанные вокруг Ялты. Однако на каждом шагу солдаты наткнулись на турок и татар, прорываясь сквозь них яростными штыковыми бросками. Отряд таял на глазах, а нападавших становилось всё больше. Погиб не только командир ялтинского поста георгиевский кавалер премьер-майор Самуил Салтанов, погибла и большая часть его людей. В самой Ялте ворвавшиеся туда после прорыва русского отряда турки и татары вырезали прятавшихся в церкви жителей, а храм сожгли и разрушили¹⁴.

Командующий османским десантом Джаныклы Хаджи Али-паша в послании Долгорукову предложил распорядиться рубить головы всем туркам, сдающимся во время баталии в плен, — так же, как он приказал поступать с русскими пленными. «Сие он в таком намерении делать предпринял, чтобы обоюдные ратные люди, устрасясь тем, вернее государям служили и до последней капли крови мужественно дрались»¹⁵.

Известно, что лишь немногим русским воинам посчастливилось прорваться и выйти к своим войскам, перевалив через хребет Яйлы. Чудом уцелели всего 17 человек, которые и принесли весть о гибели Ялтинского поста.

Как сообщал российский резидент (посланник у крымского хана) П. Веселицкий, оказавшийся в плену у сераскира, на кораблях турецкого флота содержалось какое-то количество русских солдат «из взятых в плен при разорении Ялты»¹⁶. Хаджи Али-паша после окончания военных действий ни под каким предлогом не соглашался их освободить и, по всей вероятности, так и увёз в Стамбул как свидетельство своей «победы».

Из офицерского состава Ялтинского поста в живых остались только капитан Иван Михачевский и подпоручик Матвей Ачкасов. Уцелели 8 унтер-офицеров (известно имя лишь одного — сержанта Анания Шебышева, раненого в левую руку), а также 3 канонира и 4 казака.

Погибли: премьер-майор Самойло Салтанов, подпоручик Берлизев, прапорщик Батавин, лекарь Шульц, один сержант, 2 подпрапорщика, один каптенармус, 2 фурьера, 6 капралов, 2 цирюльника (ротных фельдшера), 168 мушкетёров, 13 канониров, 7 казаков, (всего — 3 офицера, лекарь, 12 унтер-офицеров, 182 нижних чина, 7 казаков), итого — 205 человек¹⁷.

Наше время не прибавило известности этому подвигу, точнее, многие десятилетия он и вовсе был забыт. Лишь в последние годы, благодаря стараниям крымских краеведов и историков, эта тема начала понемногу освещаться в средствах массовой информации¹⁸.

Памятника брянцам в Ялте так и нет. Пока что...

Примечания

1. Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. Т. 5. СПб. 1874. С. 94–97.
2. Поликарпов Н. П. Справка о деле при Ялте 19 июля 1774 г. // Журнал ИРВИО. 1909. № 1. С. 71–76.
3. Андреев А. Р. Князь В. М. Долгоруков-Крымский. М. 1997. С. 109–110.
4. Поликарпов Н. П. Указ. соч. С. 72.
5. Соединение из разных родов войск, сформированное вместе с Санкт-Петербургским легионом в 1767–1769 гг. в подражание римским легионам.
6. Андреев А. Р. Указ. соч. С. 297.
7. Поликарпов Н. П. Указ. соч. С. 73–74. Самойло Салтанов — кавалер ордена св. Георгия 4-й степени за отличие при осаде и штурме турецкой крепости Бендеры в 1770 г., где он был ранен. В рескрипте о награждении от 1 ноября 1770 года сказано: «Салтанов Самойло — за отменную храбрость и мужество, оказанные при осаде Бендерской

крепости, будучи первоступившим при штурме на главную крепость, предводительствуя подчинёнными своими к отниманию у неприятеля держанных ещё ими бастионов и улиц» (Судравский В. К. Список кавалеров ордена св. Георгия // Военный сборник. 1909. № 3. С. 73; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник. М. 2004. С. 179). В «Походном журнале 2-й армии», в реляции о штурме крепости, о нём сказано: «Брянского пехотного полку секунд-майор Самуйло Салтанов, вошед воротами, отверстыми уже изнутри крепости, овладел неприятельской батареею».
8. Мальгин А. Русская Ривьера. Симферополь. 2004. С. 31; Броневский В. Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 г. Тула. 1822. С. 81.
9. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича

Прозоровского. 1756–1776. М. 2004. С. 580.

10. Мальгин А. Указ. соч. С. 31.

Измайлов В. Путешествие в Полудённую Россию в письмах. Т. 2. М. 1805. С. 135–136. Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Т. 1. СПб. 1803. С. 210.

11. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 574.

12. Поликарпов Н. П. Указ. соч. С. 74.

13. Андреев А. Р. Указ. соч. С. 298–299.

14. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–94 годах. М. 1999. С. 82; Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб. 1805. Т. 2. С. 203–204.

15. Записка российского резидента в Крыму П. Веселицкого // Андреев А. Р. Указ. соч. С. 341.

16. Там же. С. 347.

17. Поликарпов Н. П. Указ. соч. С. 74–75. Долгоруков в рапорте, составленном 28 июля, вскоре после описываемых событий, приводил другие цифры: убиты 197 нижних чинов (унтер-офицеров и рядовых), включая и казаков; 3 офицера (Салтанов, Берличев и Батовин) и лекарь Шульц. Всего 201 человек (Андреев А. Р. Указ. соч. С. 299). В рапорте отмечено, что команда Салтанова, «отверзши себе путь штыками, прибыла в Балаклаву с четырьмя офицерами, в числе пятидесяти человек, и с ранеными». По-видимому, основная масса пробившихся солдат была из состава не ялтинского, а других постов, находившихся на побережье от Ялты до Балаклавы, но тоже подчинённых Салтанову.
18. Мальгин А., Кротов А. 230 лет назад Кутузов потерял глаз в борьбе за независимость Крыма // Крым. 2004. Апрель. № 1/4. С. 52–56; Девяткин В. Свобода слова // Народная газета. 2004. 9 мая. С. 10–12.